

ХРОНОТОП БУРСЫ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ВИЙ»

Повести “Вий”, которая по праву считается наиболее противоречивой для интерпретаций в гоголевском цикле “Миргород”, посвящено немало исследований. В большинстве работ рассматриваются семантика образов Вия и русалок, проблема соотнесённости сюжета с фольклорными источниками и произведениями предшественников Гоголя и т. п. Так, И. А. Виноградов указывает, что «внимание читателей традиционно сосредотачивалось на двух сторонах содержания этой повести: фантастических видениях семинариста Хомы Брута в церкви и *реалистическом описании бурсы*» (здесь и далее курсив мой – А. П.) [2, с. 105]. Однако нам не удалось обнаружить отдельных исследований, в которых рассматривался бы хронотоп бурсы в гоголевской повести. Поэтому целью данной статьи является анализ роли и функций такого важного подвида хроникально-бытового (реального) хронотопа в повести Н. В. Гоголя “Вий” как *хронотоп бурсы*.

Можно проводить определённые параллели между тем, как изображена бурса у Гоголя и в произведениях В. Т. Нарезного, И. Г. Кулжинского и А. Ф. Шафонского. Однако в “Вие” есть такие фактические детали бурсацкого быта, которых нет у предшественников Гоголя и которые можно использовать для характеристики хронотопа бурсы (семинарии). В комментариях к академическому собранию сочинений Гоголя указывается, что в начальных эпизодах „Вия“ в изображении быта киевской бурсы и бурсаков отразились, помимо литературных впечатлений Гоголя, также его личные впечатления от разговоров и рассказов, услышанных на Украине. [3, с. 745].

По мнению В. Г. Белинского, бытовые описания в повести Гоголя, в частности, описание бурсы и портреты бурсаков, оказались более удачными, нежели фантастические описания [1, с. 255]. По мнению М. М. Дунаева, «“Вий” начинается с такого сурового реализма в описании семинарских и бурсацких нравов, что невольно начинают мерещиться более поздние сатиры

Помяловского» [6]. И. А. Виноградов, анализируя отзывы о гоголевской повести, отмечает, что Н. И. Греч считал изображение бурсы в “Вие” «забавно-карикатурным», не соответствующим действительности; а Т. И. Селиванов, окончивший в начале XIX века духовную семинарию, напротив, отметил изображение бурсаков, отправлявшихся на кондиции, как верное и реалистичное [2, с. 106–107].

С точки зрения А. М. Докусова мир гоголевской бурсы грязный и непристойный, свидетельствующий о «диких нравах бурсы»: «культ грубой силы и произвола лежит в основе всего уклада бурсы, которая «...воспитывала рознь, неприязнь друг к другу» [4, с. 59]. Исследователь подчёркивает, что бурса всем строем жизни «на каждом шагу и каждодневно унижала в Хоме человека и человеческое, духовно растлевала его» [4, с. 60]. Думается, что А. М. Докусову бурса представляется в слишком мрачных тонах. Трудно согласиться с его выводами о том, что бурса была «...для Хомы злым отчимом и злой мачехой» разобщающим началом [4, с. 59].

Противоположного мнения придерживается Н. И. Ищук-Фадеева. Она утверждает, что описание бурсы в начале повести постепенно вводит столь важный для писателя мотив целостности. Так, убежав от ведьмы, Хома возвратился в бурсу, «к тому целому, частью которого себя ощущал». По мнению исследовательницы, в картине мира гоголевской повести очень важна именно общность семинарии, где «вся толпа» объединена образом жизни, интересами и занятиями, «то есть, той совокупностью обстоятельств, которая в определённой степени влияет и на формирование характера» [9, с. 367-368].

В хронологической системе повести Гоголя *бурса (семинария)* – это замкнутое пространство и особое время, связанное с учёбой в этом заведении. Это отдельный мирок вечно голодных школьников и бурсаков, город в городе со своими законами, развлечениями, наказаниями. Бурса являлась для семинаристов вторым домом, ведь в этом учебном заведении проходила значительная часть их жизни.

При помощи нескольких точных штрихов Гоголь создаёт представление о повседневной жизни киевских бурсаков. Примечательно, что здание семинарии обрисовано весьма условно, метонимически, посредством изображения классов в бурсе. Так, автор лишь вскользь упоминает, что семинаристы обучались в «низеньких, довольно, однако же, просторных комнатах с небольшими окнами, с широкими дверьми и запачканными скамьями» [4, с. 145]. При этом пространство семинарии у Гоголя подчёркнуто бытовое, абсолютно лишённое какого бы то ни было ореола романтичности. Автор детально изображает особенности времяпрепровождения семинаристов: проверку домашнего задания, бои бурсы с семинарией, сюртуки, стирающиеся до пят, „по сие время“, роль “авдиторов” и цензоров в их жизни, налёты на чужие огороды и занятия грамматиков, философов и богословов во время вакансий а также в торжественные дни и праздники.

Гоголевский хронотоп бурсы необычен своим “звучанием”. Пространство семинарии наполнено звуками и голосами учащихся. «Класс наполнялся вдруг разноголосными жужжаниями: авдиторы выслушивали своих учеников; звонкий дискант грамматика попадал как раз в звон стекла, вставленного в маленькие окна, и стекло отвечало почти тем же звуком; в углу гудел ритор <...>. Он гудел басом, и только слышно было издали: бу, бу, бу, бу...» [4, с. 145].

С хронотопом бурсы в гоголевской повести неразрывно связан мотив еды. Бурсаки не только носили свои, как пишет автор, “запасы” в карманах, но и прятали их в “большой разъехавшейся хате”, в которой размещалась бурса. Так, вернувшийся с полдороги Хома Брут искал пищу в таких местах, как “дыры и западни в крыше”. Однако философ так и не смог найти «ни куска сала или, по крайней мере, старого книша, что, по обыкновению, запрятываемо было бурсаками» [4, с. 154].

Вечно голодные бурсаки не расставались с едой даже в классах. Гоголь с иронией замечает, что “авдиторы”, проверяя уроки, «смотрели одним глазом под скамью, где из кармана подчиненного бурсака выглядывала булка, или

вареник, или семена из тыкв» [4, с. 145] и «...слышали <...> вместо одного два урока: один происходил из уст, другой ворчал в сенаторском желудке» [4, с. 146]. Поскольку весь этот ученый народ был “необыкновенно прожорлив”, то чувство голода подталкивало бурсаков иногда “опустошать чужие огороды” и отправляться летом по хуторам поесть “вареников величиною в шляпу”.

Автор подчёркивает, что особую роль в жизни семинаристов играет “пространство кармана”. Это, как следует из текста повести, самая важная составляющая гардероба каждого бурсака, так как в карманах хранятся не только съестные припасы, но и всякие нужные и интересные вещи. Содержимое карманов характеризует учеников разных курсов, их интересы, является показателем их взросления, смены приоритетов. Гоголь отмечает, что, например, карманы грамматиков «вечно были наполнены всякою дрянью, как-то: бабками, свистелками, сделанными из перышек, недоеденным пирогом, а иногда даже и маленькими воробьенками» [4, с. 144]. В карманах философов, напротив, кроме крепких табачных корешков, больше ничего не было. Столь небольшое и, казалось бы, незначительное пространство, как карман, является, тем не менее, значимой деталью для характеристики хронотопа бурсы в повести Гоголя.

Вопрос о временном аспекте хронотопа бурсы в “Вие” не вполне ясен. В тексте повести указывается лишь календарное время. Так в эпизоде, происходящем в “шинке у Чухрайловской дороги” вскользь упоминается о том, что был “жаркий июльский день”. В решении этого вопроса может помочь историческая справка об учебном заведении, в котором учился Хома Брут. В комментариях к академическому собранию сочинений Н. В. Гоголя отмечено, что у Гоголя фигурирует Киевская семинария, а не академия, как в „Тарасе Бульбе“. Поэтому время действия „Вия“ следует отнести к 20-м годам XIX века. Между тем общий колорит повести позволяет предположить, что Гоголь думал приурочить время её действия если не к XVII, то к XVIII столетию, отодвинув его в неопределенное прошлое [3, с. 747]. О справедливости такой

гипотезы говорит также то, что в числе бурсаков Гоголь называет грамматиков, риторов, философов и богословов, а в Киевской семинарии грамматическое отделение уже было упразднено. Зато грамматики учились в Киевской академии, существовавшей в XVIII веке до основания Киевской семинарии.

В. Я. Звиняцковский в примечаниях к “Миргороду” (2008г.) предлагает более точную датировку времени действия в повести: не ранее 1744 года. Описывая вертепы, Гоголь упоминает о богослове “ростом мало чем пониже киевской колокольни”. Исследователь считает, что речь идёт о колокольне Киево-Печерской лавры, которая на протяжении всего XVIII и первой половины XIX века была самым высоким строением в городе, а, поскольку сооружена она была в 1731–1744 годах, то, следовательно, товарищи богослова могли сравнивать его рост с колокольней не ранее 1744 года [8, с. 429]. В другом исследовании (2010 г.) он утверждает, что действие повести происходит не позднее 1784 года [7, с. 171]. В. Я. Звиняцковский делает такое предположение, основываясь на том факте, что должность сотника, которую в повести занимает отец панночки-ведьмы, была ликвидирована в Левобережной Украине губернской реформой Екатерины II в 1784 году. Таким образом, временные рамки повести можно сузить до периода между 1744 и 1784 годами.

Одной из главных функций хронотопа бурсы в “Вие” является то, что он помогает раскрыть образ философа. Становление личности Хомя Брута, безусловно, зависело от окружающей его среды, в частности от места, где он учился (киевской бурсы) и времени, в котором жил. Эти факторы – время и место – в значительной степени обусловили не только его внешний вид и привычки, но и характер, поведение, психический и эмоциональный мир. Так, философ не считает зазорным соврать старухе, к которой напрашивается на ночлег, или признаться сотнику в том, что он «ходил к булочнице против самого страстного четверга» и что сам он – «чёрт знает что» [4, с. 162]. Хома трижды чертыхается к ночи, что считалось недопустимым в то время, тем более для человека церковного. Кроме того, семинарист позволяет себе нюхать табак в церкви – сакральном пространстве.

Итак, хронотоп бурсы в повести Н. В. Гоголя «Вий» является важной составляющей хроникально-бытового (реального) хронотопа, а также весьма значимым элементом хронотопической канвы произведения в целом. Хронотопический образ бурсы позволил автору максимально точно обрисовать главного героя повести – Хому Брута, а также малороссийских семинаристов XVIII века, изобразить образ жизни и нравы малороссиян. Но основная функция хронотопа бурсы – воссоздание контрастного фона для введения в текст повести мистических и фантастических персонажей и соответствующих типов пространства-времени. Бытовой контекст «Вия», в частности хронотоп бурсы, представляет антитезу демонической фантастике, акцентированной автором, «оттеняет» её.

Литература

1. Белинский В. Г. О русских классиках / Виссарион Григорьевич Белинский. – М.: Худож. лит., 1978. – 525 с.
2. Виноградов И. А. Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: из истории интерпретаций. Н. В. Гоголь и современная культура: Шестые Гоголевские чтения: Материалы докладов и сообщений Международной конференции / Комитет по культуре г. Москвы; Центр. гор. б-ка-мемор. центр «Дом Гоголя» / Под общ. ред. В. П. Викуловой. – М.: КДУ, 2007. – 448 с., [3] л. цв. ил.: ил. – Рез. англ. – Стр. 105–122.
3. Гоголь Н. В. Миргород: Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Т. 2. Миргород / Ред. Н. Л. Мещеряков. – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 679–760.
4. Гоголь Н. В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Под общ. ред. С. И. Машинского и М. Б. Хрпченко. Т. 2. Миргород. Примеч. С. И. Машинского. М., «Худож. Лит.», 1976. – 333 с.
5. Докусов А. М. «Миргород» Н. В. Гоголя. Лекции из спецкурса «Н. В. Гоголь». – Л., 1971 – 176 с.

6. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках / Михаил Михайлович Дунаев. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 1056 с.
7. Звinyaцковский В. Я. Побеждающий страх смехом: опыт реставрации собств. мифа Николая Гоголя / Владимир Янович Звinyaцковский. – К.: Лыбидь, 2010. – 240 с.: ил.
8. Звinyaцьковський В. Я. Гоголь М. В. Вечори на хуторі біля Диканьки; Миргород / Микола Васильович Гоголь; упоряд. тексту, авт.. ст. та прим. В. Я. Звinyaцьковський; іл. С. Г. Якутовича. – К.: Либідь, 2008. – 488 с.
9. Ищук-Фадеева Н. И. Все/всё как знак целостности в повести Н. Гоголя «Вий» и пьесе Н. Садур «Панночка». Н. В. Гоголь и современная культура: Шестые Гоголевские чтения: Материалы докладов и сообщений Международной конференции / Комитет по культуре г. Москвы; Центр. гор. б-ка-мемор. центр «Дом Гоголя» / Под общ. ред. В. П. Викуловой. – М.: КДУ, 2007. – 448 с., [3] л. цв. ил.: ил. – Рез. англ.

Ключевые слова: хронотоп, хроникально-бытовой (реальный) хронотоп, историческое время, календарное время, сюжетное время, мотив еды, мотив целостности.

Аннотация

Автор статьи анализирует роль и функции хронотопа бурсы в системе пространственно-временных отношений в повести Н. В. Гоголя «Вий». В частности, рассматривается роль хронотопа бурсы в образной системе повести. В статье также исследуется связь хронотопа бурсы с мотивом еды.

Ключові слова: хронотоп, хронікально-побутовий (реальний) хронотоп, історичний час, календарний час, сюжетний час, мотив їжі, мотив цілісності.

Анотація

Автор статті аналізує роль та функції хронотопу бурси в системі просторово-часових відносин в повісті М. В. Гоголя «Вій». Зокрема, розглядається роль

хронотопу бурси в образній системі повісті. В статті також досліджується зв'язок хронотопу бурси з мотивом їжі.

The Key Words: chronotop, newsreel-everyday (real) chronotop, historical time, calendar time, narrative time, food motive, integrity motive.

Summary

The author of the article analyzes the role and functions of the seminary chronotop in the system of spatial-temporal relations in the short story by N. V. Gogol "Viy". In particular, the role of seminary chronotop and its connection with characters and with food motive have been investigated in this research work.